

Осенний ветер приносил с собой легкую грусть, и, находясь в разгаре выполнения задания, Чуньтао невольно заскучала по своему прежнему миру. С тех пор как она переселилась в тело Чуньтао, каждый её день начинался с пробуждения и бесконечной работы. Ей приходилось налаживать отношения с окружающими, вынюхивать новости и откладывать медяки, чтобы однажды выкупить себе место в переднем дворе.

Будучи Линь Сяоцао, она была обычным офисным планктоном, но хотя бы имела выходные. Теперь же у неё не было даже передышки: каждый день повторялся один и тот же тяжелый труд. Если бы не цель, ради которой она здесь оказалась, она бы давно сломалась.

Только сейчас Чуньтао поняла, почему в древности так много служанок стремились попасть в постель к хозяевам. Быть служанкой невероятно тяжело, и если уж выпадает шанс стать хозяйкой, то это куда лучше, чем ежедневно выполнять бессмысленную работу.

В современном мире у женщины ещё есть шанс реализовать свои идеалы, но здесь, в древности, это было лишь пустой мечтой. Если бы у Чуньтао не было пути назад, она бы сама не побрезговала подобным способом.

Не стоит винить её в отсутствии моральных принципов: человек по природе своей стремится к лучшей жизни. Раз уж есть протоптанная дорожка, зачем упираться в тупик на сложном пути?

— Чуньтао, поторапливайся, скоро время выйдет, — обеспокоенно позвала Ся Пин.

— Иду! — Чуньтао поправила причёску, взглянула в таз с водой, убедилась, что всё в порядке, и поспешила за подругой.

Обе были одеты в казенные платья серого цвета — простая ткань, незатейливый узор. Но молодость берет своё: Чуньтао была миловидна, а Ся Пин — по-своему очаровательна, поэтому по пути слуги то и дело заглядывались на них.

Прежняя хозяйка этого тела, хотя и обладала тонкими чертами лица, была забитой и робкой, вечно опускала глаза и легко терялась в толпе. Но после того как Линь Сяоцао заняла это место, в тело словно вдохнули жизнь — от неё начала исходить совсем иная энергия.

Возможно, сама она этого не осознавала, но, хотя она не была красавицей и в прошлой жизни частенько завидовала более эффектным девушкам, она никогда не страдала от комплексов и не пряталась в тени. Напротив, она всегда умела посмеяться над собой и радоваться жизни. У неё были свои принципы, и хотя её судьба была куда тяжелее и несправедливее, чем у многих, она редко предавалась унынию. Её жизнь, подобно её имени, была дикой и неукротимой.

Такая яркая душа, вселившись в тело Чуньтао, сделала её похожей на весенний росток — свежий и полный сил, к которому тянулись люди. Именно поэтому после перемен Чуньтао стало легче находить общий язык с окружающими. Кто откажется от общения с таким человеком? Даже скрытная матушка Цзян и язвительная Ма Саньнян невольно стали

проявлять к ней благосклонность, закрывая глаза на некоторые её вольности.

Поначалу Чуньтао этого не замечала, но со временем осознала и была искренне рада такому повороту событий.

Прошел еще один день. Чуньтао отправилась к матушке Цзян, чтобы передать гостинец. Она потратилась, попросив знакомых купить сладостей, и поделила их на три части: одну — Ма Саньнян, другую — матушке Цзян, последнюю оставила себе.

Сладости были самыми обычными — на дорогие у неё не было денег, но это был жест внимания, благодарность за их повседневную заботу. Долю Ма Саньнян она отдала ещё во время смены, а после ужина, взяв оставшееся, отправилась к матушке Цзян.

— Матушка, вы ещё не собираетесь отдыхать? — спросила Чуньтао, протянув ей сверток.

Матушка Цзян достала кусочек сладости и откусила. Честно говоря, вкус был посредственным, но грубая текстура бобовой пасты напомнила ей о красных лепешках, которые готовила мать в детстве — простые, неказистые, но такие сладкие, что доходили до самого сердца.

Съев кусочек, она спрятала остальное. На её обычно добродушном лице не дрогнул ни один мускул. Услышав вопрос Чуньтао, матушка Цзян усмехнулась:

— Ещё не стемнело, куда спешить? Скоро ещё люди придут.

Чуньтао не стала спрашивать, кто именно придет. Все и так знали: по ночам те, кому не спалось, собирались вместе, чтобы перекинуться в карты, и играли до глубокой ночи. Прежняя Чуньтао об этом не знала, но Линь Сяоцао со временем во всем разобралась. Только вот говорить об этом лишний раз не стоило — если госпожа узнает, всех участников ждет суровое наказание. Впрочем, играли здесь только те, кто имел хоть какой-то вес, и никто не хотел наживать себе врагов среди этих старух ради прихоти госпожи.

— Вчера слышала от Ма Саньнян, что старшая служанка из переднего двора вышла замуж. Теперь место освободилось, — неспешно проговорила матушка Цзян, словно это её вовсе не касалось.

Сердце слушательницы пропустило удар. Чуньтао поняла: её шанс настал. Она почтительно поклонилась матушке Цзян и произнесла:

— Благодарю, что поделились этой новостью. — Помедлив, она добавила: — Прошу, наставьте меня, как быть.

Матушка Цзян, всё ещё чувствуя вкус красных бобов, не стала давать прямых советов, лишь обронила:

— Делами переднего двора ведаёт управляющий.

Чуньтао тут же смекнула: нужно действовать через управляющего, а единственный человек рядом, кто может замолвить за неё словечко, — это Ма Саньнян.

— Иди-ка ты к себе, деточка. Негоже такой девушке бродить по ночам, мало ли что может случиться, — сказала матушка Цзян, глядя на взошедшую луну.

Чуньтао вздрогнула, кивнула и ответила:

— Спасибо за совет, матушка. Я сейчас же уйду.

Матушка Цзян прикрыла глаза и махнула рукой. Чуньтао поклонилась и поспешила прочь.

Осенний воздух был холодным, ветер пробирал до костей сквозь тонкую ткань одежды. Дороги не освещались, и Чуньтао, полагаясь лишь на память, нетвердой походкой пробиралась к себе.

Вернувшись, она обнаружила, что дверь, которую Ся Пин оставила закрытой, не была заперта. Внутри горела свеча.

— Почему так поздно? На улице холодно? — спросила Ся Пин, не отрываясь от вышивания.

— Холодно! Пробирает до самых костей, да и темно так, что дороги не видать, — ответила Чуньтао.

Она подошла к бадье, потрогала воду — та уже остыла, но, к счастью, не была ледяной. Зайдя за вешалку, она быстро обтерлась. Девичье тело было хорошо развито: грудь налилась, бедра округлились — куда лучше, чем её прежняя фигура, похожая на бочку.

Слушая плеск воды, Ся Пин удивленно спросила:

— Чего это ты в последнее время каждый день моешься? Смотри, простудишься, заболеешь — будет только хуже.

Чуньтао не могла сказать, что не выносит грязи, ведь это прозвучало бы как намек на нечистоплотность самой Ся Пин.

— Сама не знаю, — ответила она. — Постоянно потею, тело липкое становится, вот и хочется

освежиться.

Ся Пин подумала, что это вполне логично: убирать две комнаты — труд не из легких, если не мыться, запах пота быстро станет невыносимым. Хорошо, что её работа была легче, поэтому каждый день обтираться ей не требовалось.

Чуньтао вышла из-за вешалки, мельком взглянула на вышивку подруги и заметила:

— Опять за кошелек взялась? Помнится, ты ведь только на днях один закончила.

Ся Пин покраснела и тихо пробормотала:

— Это... для другого человека.

Увидев её смущение, Чуньтао всё поняла. В её памяти всплыло, что у Ся Пин есть жених, который служит при молодом господине, и как только они достигнут нужного возраста, они поженятся.

— Повезло же этому Лю Линю, — с улыбкой поддразнила её Чуньтао.

Лицо Ся Пин изменилось, она натянуто улыбнулась и больше ничего не сказала.

<http://bllate.org/book/21558/2218765>